

Магаданской пробы", 1978, 18 page

ЭТЮД К ПОРТРЕТУ

ПРИВЫЧНЫМ стало знать, что почти каждый вечер на сцену Магаданского театра выходит Анатолий Губский. А ком будет он сегодня? Шуллером, поневоле Расплюевым или старомодно-благородным врачом Родионом Николаевичем? Сумасшедшими или обреченно-опустошенными коммерсантами Атумом? Покажется ли он в эпизоде, но так, что эпизод этот станет если не самым главным, то самым ярким? Или будет на сцене все два часа, и за это время пройдет перед пами жизнь человеческая?

Кажется, что за пять лет работы в Магадане Анатолием Губским создано неисчислимое множество работ. Однако это не совсем так. Хотя бы потому, что за это время драматическая труппа театра поставила чуть больше восемьдесят спектаклей. Правда, и то, что в десяти из них был занят актер Анатолий Губский. Помимо первого с ним вакансии? В классически-мимуэтном спектакле «В лесах» по А. Мельникову-Першеронку в ряду других прочно и тяжело стоящих на земле кирзов Потап Максимович Губского казался коренным. Но была какая-то тоска в его глазах. То ли от того, что нет истинного размаха в этих лесах, то ли потому, что не вся земля — леса. Потом в других встречах мы убедимся вискрометности таланта Анатолия Губского, в легкости и веселости его, но где-то на самом дне души будет таиться эта тоска по красоте и гармонии, по идеалу, увы, недостижимому там, где делают фальшивые монеты, придумывают ложные свадьбы, где ведет свои расследования комиссар Мегрэ.

Почему же кажется, что за пять лет работы в Магадане создано Анатолием Губским множество образов, хотя, по сути, их несколько?

Нельзя что, когда выходит на сцену Лузгин в «Фальшивой монете», то мы с вами не уверены, что это сумасшедший страховой агент. Ведь он так естественно себя ведет, так пригирчиво разыскивает наследника к чему-то несущ-

ПОЧТИ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР НА МАГАДАНСКОЙ СЦЕНЕ

ществующему, что с ужасом думаешь: боже мой, ведь он ищет гармонию в этом фальшивом мире! Он падается отыскать призрачному, по материальному имуществу — лично — ого истинного хозяина. И потому он так боится двойника в зеркале, что вдруг кто-то фальшивый станет этим посредником. Нет, мы не увидим тут тоски в глазах актера, но — страх! Страха этого не вынести слабому человеку Лузгину, и потому так печален его конец и печальна участь всякого, кто вахочет уравновесить что-то в мире фальшивомонетчиков.

А Расплюев в «Свадьбе Кречинского», высталиваясь, боль на потуху, юродствующий, чувствуяший себя выше иллюзорного благородства, который и спину для быть подставит, но уйдет со своим в душе. Расплюев — Губский профессионально издавался над собой и в этом — издательство над теми, кто не чувствует смехотворности своего положения, кто мнит, будто он стратег и политик, действия его в высшей степени

авантюры. Нет, потому и потерпит крах ловкач Кречинский, что существует, помогая ему и выслушивая его, — Расплюев. Это ведь удивительная философия, жизненная позиция — раз идишь. Это и добро сделать — раз плонуть, и свинью подложить — так же легко. В Расплюева Анатолия Губского вы увидите всю гамму в постепенном переходе от еричества к тоске, и этим будет создан пусть заплываний, но щит тому самому «я», где у него есть он сам и шестеро или семеро детей.

Есть еще спектакль «Четыре дня из жизни комиссара Мегрэ», поставленный самим Губским. Конечно, это не та драматургия, где стоит только пайти свой актерский, режиссерский эквивалент мысли драматурга, и все будет в высшей степени интересно. Спектакль принимается с удовольствием теми, кто давно знаком с Ж. Сименоном и кому любопытно посмотреть, как это может выглядеть «в лицах», насколько существование актера разрушает или подтверждает детектистическую психологического исследования. Но заметили ли вы второстепенный образ коммерсанта Атума? По происшествии времени уже трудно сказать, какие сюжетные линии замыкаются на нем, потому опустошенность, ту отчужденность от жизни, которую выразил Анатолий Губский, забыть нельзя.

Конечно, более всего на памяти у нас главный врач санатория Родион Николаевич с его реактив неприятием какой-то дисгармоничности

страпной отыскающей Жильбер. Конечно, он не уйдет из памяти, старый, замкнутый на своем прошлом Родион Николаевич, которому достаточно увидеть, как женщина слушает музыку, чтобы попасть в этой дисгармонии талант неортодоксальности, талант способности восприятия, умения чувствовать каждый мир вновь рожденным. Не потому ли так знаком нам этот Родион Николаевич, которого писал драматург Арбузов, что есть в нем подвижность души, воспринимчивость сердца актера Анатолия Губского?

Если бы спросили па каком-нибудь экзамено, какова актерская природа Губского, то, минуя все его трюки и склонность к гипнозе, его желание и умение найти в образе счастливое, скажешь — доброта. Прячем по абстрактная доброта, а то свойство души, которое в силах быть школой для прощающей стрелки гармонии. Школой с моляющимися делами, ибо то, что цепным было вчера, может оказаться будничным сегодня. Чувствовать это — необычайно трудно и необычайно важно, особенно для актера. Только совокупия истинную ценность человеческого характера с величиной сегодняшнего для можно играть в пылешном спектакле Расплюева и Лузгина, Родиона Николаевича и шукшинского Сепю. Можно играть человека в его наядии и величии.

Вот почему кажется, что сыграл Анатолий Губский неисчислимое количество ролей, несмотря на то, что было их не больше десятка. И пусть нам будет проплыто знать, что почти каждый вечер на сцене Магаданского театра — Анатолий Губский.

Т. КУШЕЛЬ.

НА СНИМКЕ: Анатолий Губский.

Фото А. Сандлера.